
IN MEMORIAM

Ю. И. СЕМЕНОВ

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИЛЛАРИОНОВ: УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

Сергей Владимирович Илларионов – крупнейший российский специалист по философии науки, доктор философских наук, профессор Московского физико-технического института (всемирно знаменитого физтеха), любимец студентов и аспирантов, умер 21 ноября 2000 г., не дожив немного до наступления нового века и нового тысячелетия. Но память о нем навсегда осталась у всех тех, кто его знал.

Большая часть жизни Сергея Владимировича связана с г. Долгопрудным и Московским физико-техническим институтом. Он родился в Одессе (1938), но только потому, что его мать поехала туда в гости. Его родители жили в Долгопрудном на Долгопрудненской агрохимической опытной станции, и сам он провел здесь детство, юность и еще много лет. После школы Сергей Владимирович поступил в физтех (1955), после окончания (1961) поступил в аспирантуру, а затем всю оставшуюся жизнь работал в институте, вначале на кафедре электротехники, а с 1972 г. – на кафедре философии.

Только однажды он поколебался в своей приверженности к физтеху. Это случилось в 1980 г., когда его как видного специалиста по философии науки пригласили на кафедру методологии и философии науки философского факультета Московского государственного университета. Работать с философами, готовить специалистов по философии.

фии – что может быть заманчивее для преподавателя философии. Кроме того, после женитьбы Сергей Владимирович переехал в Москву, и добираться тогда ему до МГУ было гораздо легче, чем до Долгопрудного.

Помню, как я был «убит» (я тогда заведовал кафедрой философии МФТИ), когда он сообщил мне о своем намерении. Конечно, в то время можно было попытаться удержать его при помощи партийных органов. Но я всегда был противником подобных методов. Я ему честно сказал, что хотя крайне огорчен, но не только не буду его держать, а сделаю все, чтобы на его пути не было никаких препятствий ни с чьей стороны. Но одновременно я посоветовал ему побывать в МГУ на кафедре и факультете, присмотреться к преподавателям и студентам. Он так и сделал. И представьте мою радость, когда спустя неделю или две (я точно не помню) Сергей Владимирович сказал мне, что твердо решил остаться на физтехе. И об этом своем решении он потом не только не жалел, а неоднократно меня благодарил, последний раз незадолго до смерти, что я удержал его от опрометчивого шага.

Как видно из сказанного, Сергея Владимировича высоко ценили как специалиста еще тогда, когда он формально был еще только кандидатом философских наук. Присвоение в 1990 г. ему степени доктора философских наук означало лишь оформление положения, давно достигнутого им в философском мире. Сергей Владимирович был не просто и не только преподавателем философии, не просто и не только научным работником в этой области. Таких много. Он был настоящим, прирожденным философом, философом *par excellence*. Философия была его истинным призванием. А таких очень и очень немного.

Но если это так, то не было ли его ошибкой поступление на физтех? Ведь в философию он пришел из физики. Не было ли им напрасно затрачено много времени, в течение которого он изучал физику и математику, а затем еще работал на кафедре электротехники и занимался конкретными исследованиями в этой области? Нет, не было. Более

того, я убежден, что только наличие у него глубокого знания естественных наук и сделали его настоящим философом. С моей точки зрения, человек, который знает только философию, ничего в философии сделать не сможет. Чтобы добиться успеха в философии (речь, разумеется, идет не о служебной карьере, а о получении новых результатов), нужно обязательно знать какую-либо конкретную науку – естественную или общественную.

Но знание знанию рознь. Знать ту или иную науку можно по-разному. Человек может обладать достаточно большим объемом знаний в той или иной области. Но это знание, если оно лишь расширяет его кругозор, позволяет ориентироваться в этой области, грамотно вести беседы на данные темы, но не больше, может быть названо эрудитским. Иногда его характеризуют как дилетантское. Я полагаю, что о дилетантизме можно говорить только в том случае, когда человек, обладающий подобным знанием, считает себя специалистом в данной области и пытается учить профессионалов.

Другой уровень – человек не просто знает ту или иную науку, но постоянно использует это знание в своей деятельности. Однако он при этом исследовательской работы в данной области науки не ведет. Это профессионально-практическое знание.

С высшей формой знания науки мы имеем дело тогда, когда человек занимается решением нерешенных задач, поисками истины в данной области, сам делает открытия. Это – профессионально-исследовательское, профессионально-творческое, или просто подлинное профессиональное, знание. Такой человек является специалистом, а его знание – научным знанием в полном смысле слова. Вполне понятно, что грани между названными тремя видами знания науки не абсолютны, а относительны, но они тем не менее существуют.

Философ, чтобы продвигаться вперед в своей области, должен быть специалистом в какой-нибудь конкретной науке, обладать не эрудитским знанием науки, а професси-

ональным. И критерий подлинной научности его знания – не диплом об окончании того или иного высшего учебного заведения, а самостоятельные поиски в области той или иной науки. Знания Сергея Владимировича Илларионова в области физики были подлинно научными, профессиональными. Об этом свидетельствуют его работы, относящиеся к этой сфере.

Профессиональные научные знания особенно важны для тех философов, которые занимаются проблемами теории познания. Философию науки понимают далеко не однозначно. Не вдаваясь в споры, выражу свое мнение. Я считаю, что суть философии науки состоит в исследовании процесса научного познания и разработке на этой основе общего метода этого познания. Иначе говоря, философия науки входит в качестве важнейшего момента в теорию и методологию познания. Важнейшими категориями теории научного познания являются понятия факта, гипотезы, теории. И только тот по-настоящему может разобраться в научном познании, кто сам создавал гипотезы, сам их проверял, сопоставляя с фактами, кто сам искал и находил новые факты, кто отказывался от самых красивых гипотез, если факты в них укладывались, кто создавал и уточнял пусть частные, но теории. А делать все это можно только в сфере той или иной конкретной науки. Философские построения непосредственно на фактах не основываются. Только конкретная наука способна дисциплинировать мысль.

И когда человек, не зная профессионально ни одной конкретной науки, занимается отвлеченными, непосредственно не проверяемыми умственными построениями, то велика опасность полностью оторваться от реальности и превратиться в специалиста по переливанию из пустого в порожнее. Это и случалось и случается со многими, работающими, как они полагают, в области философии, что можно наглядно сейчас видеть на примере сочинений, публикуемых ныне в журнале «Вопросы философии».

Сергею Владимировичу такого рода опасность никогда не угрожала. В фундаменте блестяще проделанной им разработки системы методологических принципов научного знания лежала его собственная исследовательская практика. Он этими методологическими принципами сам пользовался, он их проверял и оттачивал. Я надеюсь, что его докторская диссертация, посвященная этой теме, будет рано или поздно опубликована. Она будет полезна как философам, так и специалистам в области конкретных наук.

Но чтобы добиться весомых результатов в философии, мало профессионального знания той или иной конкретной науки. Мало ли мы знаем прекрасных ученых, профессионалов в своей области, из под пера которых выходит нечто совершенно беспомощное, а иногда и просто глупое, когда они забредают в область философии. Знание философии тоже может быть и эрудитским, и профессиональным. Успех в этой области может обеспечить только профессиональное знание одновременно и философии, и какой-либо конкретной науки. Это трудно, но это возможно, что можно видеть на примере Сергея Владимировича.

Большинство наших как советских, так и постсоветских специалистов по философии науки и были, и являются позитивистами. В отличие от них Сергей Владимирович позитивистом не был. Он ценил неопозитивистов за их стремление к точности понятий и суждений, но их феноменализм категорически отвергал. В отличие от многих наших философов Сергей Владимирович не просто принимал те или иные взгляды. Он сам выработывал и выработал свою собственную философскую позицию. В отношении его можно с полным правом говорить об эволюции его философских взглядов, которая началась задолго до его поступления на кафедру философии. На кафедре он пришел уже философом. Наличие степени даже доктора философских наук никак не гарантирует, что его обладатель является философом. Таких докторов философских наук сейчас немало. Но вполне можно быть философом, не имея никакой ученой

степени и никакого ученого звания. Таким был Сергей Владимирович.

Одно время он был очарован могучей железной логикой Д. Юма. Но на позициях юмизма, феноменализма он задержался не надолго. Профессиональное знание науки неизбежно привело его к разрыву с агностицизмом и переходу на позиции материализма. В одном из разделов книги, которая лежит перед нами, он с позиций науки блестяще опровергает феноменализм, показывает всю его несостоятельность. Для него несомненным было существование объективного мира как единства явления и сущности. И суть научного познания он видел в том, что оно движется от явления к сущности, все глубже и глубже отражая последнюю. Сергей Владимирович был приверженцем материалистического эссенциализма и материалистической теории отражения. Если неопозитивистов он хотя и критиковал, но тем не менее уважал, то иным было его отношение к таким представителям постпозитивизма, как Т. Кун и особенно П. Фейерабенд. Особенно чужда ему была идея «теоретической нагруженности фактов». Опровергая ее, он в то же время старался раскрыть зерно истины, которая в этой идее присутствовала и делала ее привлекательной. Когда многие наши философы ползали на брюхе перед Куном, безмерно восхваляя его «Структуру научных революций», Сергей Владимирович обстоятельно показывал всю несостоятельность куновской концепции. Что же касается П. Фейерабенда, то он считал его прямым шарлатаном.

«Их позиция, – писал он о Т. Куне, П. Фейерабенде, а заодно и о Ф. Капре, – представляется мне позицией неудачников в науке. Никто из них не заработал себе в науке репутации пусть среднего, аккуратного и добросовестного исследователя, а претензии у них высокие. В такой ситуации единственное, что им остается, – это либо вообще опровергать и отвергать науки, либо рассуждать о том, что все научное знание уже содержится в каком-то религиозно-мистическом учении. Им мало быть простыми

хорошими физиками, им обязательно нужна громкая известность, хотя бы и скандальная. А это уже психическая аномалия. Так вот из соединения невежества и завышенных претензий и появляются идеи несостоятельности научного метода и научного знания»¹.

С презрением он отбрасывал всевозможные необычайно модные ныне концепции, согласно которым современная наука в отличие от классической потеряла объективность. «...Я думаю, – писал Сергей Владимирович в своей последней, опубликованной уже посмертно статье, озаглавленной «Современная наука так же объективна, как и классическая», – что все разговоры о том, что квантовая механика разрушила идеал объективности знания, об особой роли наблюдателя, о роли сознания в редукции волнового пакета – это всего лишь результат болезненности осознания тех новых и действительно не укладывающихся в классические представления черт и закономерностей мира, который открывается квантовой механикой. Квантовая механика вскрывает объективные (т. е. относящиеся именно к объекту) закономерности взаимодействия и поведения микрообъектов, какими бы неожиданными они ни были с точки зрения того уровня научного знания, который мы условно называем «классической физикой». И я не вижу никаких оснований отказываться от корреспондентской концепции истины, надо только понимать, что соответствие теории объективному миру является не точным, а приближенным, не изоморфизмом, а каким-то более слабым «морфизмом». Впрочем, физики это знают почти сто лет, и удивляться по этому поводу могут только те люди, которые совершенно не понимают духа и содержания науки»².

Сергей Владимирович отстаивал науку и материализм, был убежденным противником всех видов мракобесия, мистицизма и шарлатанства. Он всегда вел борьбу против любых разновидностей псевдонауки. И в этом деле он не

¹ Илларионов С. В. Современная наука так же объективна, как и классическая // Судьбы естествознания: Современные дискуссии. М., 2000. С. 91.

² Там же. С. 90–91.

ограничивал себя лишь сферой естествознания. В частности, последние годы он уделял немало внимания разоблачению такой аферы в области истории, как т. н. «новая хронология» А. Т. Фоменко и его присных.

Будучи одновременно и ученым, и философом, Сергей Владимирович исходил из того, что философия должна быть научной, что она, как и конкретные науки, должна заниматься поисками объективной истины, должна давать объективное знание. Конечно, в большинстве случаев он понимал, что к критерию научности нужно подходить исторически. Научность в применении к античности не совсем то, чем она является, начиная с нового времени. Но по отношению к последним векам второго тысячелетия его позиция была совершенно определенной. Он прекрасно знал работы и А. Шопенгауэра, и Ф. Ницше, и других иррационалистов и именно поэтому их философами не считал. Для него всего они были квазифилософами.

Иногда говорят, что недостатки человека есть доведенные до предела его достоинства. Это относится и к Сергею Владимировичу. Его требование научности в философии было иногда чрезмерным. В результате он очень не любил и не уважал Г. Гегеля. Его «Философия природы», которая не отражала и тогдашнего уровня знания, не говоря уже о сегодняшнем, страшно раздражала Сергея Владимировича. Он без конца цитировал прямые нелепости, содержащиеся в этом труде. Это страшно мешало ему понять значение того гигантского вклада, который был сделан этим величайшим мыслителем в развитие мировой философской мысли. Мне приходилось много спорить с ним об этом. И в последнее время, мне кажется, у него наметился какой-то сдвиг в этом отношении. Во всяком случае, когда я, редактируя первый выпуск его «Лекций по теории познания и философии науки», убрал некоторые его чрезмерно резкие выпады против Г. Гегеля, то он полностью с этим согласился.

Сейчас, может быть, как никогда проявилась одна из особенностей менталитета значительной части российской интеллигенции – слепое преклонение перед теми или ины-

ми авторитетами. Теперь последние получили наименование культовых или знаковых фигур, а возведение их в этот сан совершается путем того, что вначале в области маскультуры, а теперь и в сфере политики получило название «раскручивание». Сейчас в области философии у нас такими знаковыми фигурами приказано считать из числа зарубежных мыслителей М. Хайдеггера, Ж. Сартра и других экзистенциалистов, весь набор постмодернистов (Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ж.-Ф. Лиотар и др.), из числа русских – Н. А. Бердяева, П. Флоренского и т. п. В качестве одной из знаковой фигур позднего местного производства усиленно раскручивается М. К. Мамардашвили. Его даже умудрились объявить величайшим мыслителем XX века, подобно тому, как Б. Окуджаву – величайшим русским поэтом этого же столетия.

Один из основных приемов раскручивания в области философии – доказательство от «голого короля». Усиленно внушается, что если человек не видит всего величия той или иной знаковой фигуры, то причина – в незрелости или явной ущербности его мышления, в его крайнем невежестве и т. п. и т. д. И на многих это действует безотказно. Мне немало людей признавались, что, считая то или иное умственное построение явной чепухой, они тем не менее выражают по его поводу восторг, боясь обвинения в отсталости и несовременности. Пойти против общего течения способен не всякий. Для этого нужна убежденность в своей правоте и смелость.

Именно к числу таких людей относился Сергей Владимирович. На него вся эта вакханалия совершенно не действовала. Сергей Владимирович никогда не был рабом общего мнения. Он мог бы повторить вслед за тургеневским Базаровым, что он не разделяет ничьих мнений, у него имеются свои. У него всегда была собственная точка зрения, от которой он, если и отказывался, то под воздействием серьезных аргументов. Ему ничего не стоило на лекции убедительно показать, что работы «великого» М. Хайдеггера представляют собой, как он красочно выражался, слово-

помол. Он был нетерпим ко всем тем, кто под видом философских рассуждений занимался толчением воды в ступе.

Из сказанного может возникнуть представление о Сергее Владимировиче как о сухом рационалисте. Нет ничего более далекого от действительности. Он был веселым человеком, обладавшим необычайным чувством юмора и очень любившим умную и злую сатиру. Об этом свидетельствует и придуманное им, и введенное им в обиход словечко «словопомол» для обозначения того, что многими принимается за вершину философского творчества. Сергей Владимирович был своим во всемирном царстве юмора и сатиры. Он не только любил, но и знал наизусть все юмористические и сатирические стихотворения Алексея Константиновича Толстого. Когда я видел его в последний раз (это было за две недели до смерти), он без малейшей запинки от первого до последнего слова по памяти повторил замечательную поэму этого поэта – «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева».

Вообще память у него была прекрасная. Он высоко ценил знаменитую дилогию Ильи Ильфа и Евгения Петрова и помнил множество мест из нее. Одной из самых любимых его книг была «Повесть о Ходже Насреддине» Леонида Васильевича Соловьева. И мы оба с ним всегда недоумевали, почему это по-настоящему великое произведение русской литературы, не пользуется той известностью, которую оно, безусловно, заслуживает. Хорошо Сергей Владимирович знал и зарубежных юмористов и сатириков. Перечень авторов и произведений можно было бы продолжать без конца. Знал он не только великих, но и малых юмористов и сатириков. Он вообще прекрасно знал всю классическую и не только классическую русскую и зарубежную литературу.

Все это богатство он широко использовал на занятиях. Чтобы ярко показать особенности отображения действительности в искусстве, он обращался к великолепному юмористическому рассказу Карела Чапека «Поэт». Он прекрасно знал и ценил и другие произведения этого автора, особенно его апокрифы и побасенки. Любил он грибоедов-

ское «Горе от ума». Стремясь показать студентам и аспирантам, какое разное значение вкладывается различными людьми в слово «философия», он обычно цитировал монолог Фамусова:

Куда как чудно создан свет!
Пофилософствуй – ум вскружится,
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!

Правда, сейчас с литературными отсылками при работе со студентами и аспирантами стало гораздо сложнее, чем раньше. Помню, когда я где-то два-три года тому назад привел это место из грибоедовского произведения на семинаре с аспирантами, то осекся: на меня смотрели недоумевающие глаза. Оказывается, мои слушатели совершенно не знали, кто такой Фамусов. Раньше подобного никогда не было.

Сергей Владимирович был знатоком, любителем и пропагандистом физтеховского юмора. И опять-таки он использовал его в борьбе против квазифилософского пустомелия. Он любил наизусть произносить фразу, сочиненную когда-то одним из капитанов знаменитой физтеховской команды КВН, которая представляла злейшую пародию на подобного рода философскую трепотню.

Оружие смеха Сергей Владимирович широко использовал в критике антинаучных и квазифилософских концепций. Он умел так изложить взгляды Л. Н. Гумилева на этнос и историю, причем при этом совершенно точно, ничего не искажая, что вся аудитория буквально покатывалась с хохоту. Бредовая суть гумилевских построений выступала при этом столь наглядно, что ни у кого не возникало желания не только что защищать их, но и вообще всерьез принимать.

Сергей Владимирович был человеком высокой культуры. Он был привержен не только к литературе. Он любил историю, особенно отечественную, был настоящим патриотом. Он интересовался буквально всем. В частности, его

внимание привлекали споры по вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве». Он глубоко вникал в суть дискуссии, детально разбирал аргументы в пользу как традиционной, так и иной точек зрения.

Но его коньком, его подлинным увлечением было старинное русское зодчество. Сергей Владимирович мог с ходу, не готовясь, подробно, во всех деталях рассказать и о церкви Покрова на Нерли, и о Дмитровском и Успенском соборах Владимира, и о Георгиевском храме Юрьева-Польского, и о церкви Спаса Преображения на Ильине, улице Великого Новгорода, и многих других памятниках русской архитектуры, как хорошо известных, так и почти совсем неизвестных широкой публике. В его личной библиотеке были собраны все книги как знаменитой серии о российских городах, известной всем любителям искусства под названием «белой серии», так и серии «Дороги к прекрасному», именуемой в том же кругу «желтой серией», не считая еще множества других.

Истинной любовью Сергея Владимировича был город Великий Устюг, куда он ездил каждый год и где проводил 3–4 недели. Он облазил все его храмы и сделал несколько открытий, которые хотел обнародовать, но, увы, не успел. В Великий Устюг он ездил не только и не просто как любитель и исследователь старины. Каждый раз он привозил с собой огромное количество книг, которые шли учителям обществоведения и истории, в школы города, в библиотеку городского и районного отделов образования. Он выступал там с лекциями перед учителями города и района. И все это, конечно, совершенно безвозмездно. Все это было даром его великой и щедрой души. С каким нетерпением интеллигенция Великого Устюга ждала его приезда. К поезду собирались масса народу, последние годы Сергея Владимировича всегда ждала автомашина, чтобы везти в город прибывший с ним книжный груз.

Сергея Владимировича отличало удивительное бескорыстие, которое проявлялось не только во время его поездок в Великий Устюг, но и во всех его поступках. Это по-

ражало всегда, но особенно в последние годы, когда стяжательство сделалось чуть ли не нормой поведения многих людей. Его пренебрежение к житейским благам доходило до чудачества. Как уже упоминалось, докторскую диссертацию он защитил еще в 1990 г., однако профессором стал только семь лет спустя. И все дело было в том, что он никак не мог собраться оформить нужные документы. И вероятно, он и умер бы доцентом, если бы мне, когда пришлось в течение полугода (январь–май 1997 г.) временно исполнять обязанности заведующего кафедрой всеобщей и отечественной истории МФТИ³, вместе с заведующей кабинетом общественных наук Марией Викторовной Костылевой не пришло в голову написать за него и заполнить все необходимые бумаги. В результате ему наконец-то было присвоено звание профессора. И мы тогда с ней крайне жалели, что не догадались сделать это раньше.

Сергея Владимировича и за глаза, а иногда и прямо в лицо называли Дон Кихотом. Он не только не обижался, а наоборот, с готовностью принимал это прозвище: оно ему льстило. Надо сказать, что он и внешне очень напоминал Дон Кихота, каким его привыкли видеть и на картине О. Домье, и на иллюстрациях Кукрыниксов к книге великого Сервантеса.

Сергея Владимировича Илларионова больше нет. Но о нем осталась добрая память, и есть его работы, одна из которых перед вами. Будем надеяться, что за первым выпуском «Лекций по теории познания и философии науки» последует второй, а затем и его монография по методологии научного познания. К сожалению, третий выпуск «Лекций по теории познания и философии науки», планом которого он неоднократно делился со мной и который должен был содержать интереснейшие, мало кому известные эпизоды из истории развития научного знания и размышления автора,

³ Кафедра философии МФТИ в августе 1993 г. была упразднена и восстановлена лишь в апреле 1997 г., и Сергей Владимирович числился на кафедре истории. Поэтому, будучи доктором философских наук, он получил ученое звание профессора по кафедре истории.

не был и никогда уже не будет написан. Подобно Сократу, Сергей Владимирович не любил писать, он чаще всего делился своими мыслями во время бесед с коллегами, а также на лекциях и семинарах. Он был прежде всего преподавателем, воспитателем, наставником. Последнее свое занятие он провел, приехав из больницы. Это было в субботу, 18 ноября 2000 г., а в ночь с 20 на 21 ноября его не стало.

Я без конца теревил и тормошил его, настаивая на том, чтобы он записал свой курс лекций по теории познания и философии науки, который пользовался огромной популярностью у аспирантов. И в конце концов, уже будучи больным, он сел и написал вначале одну часть, затем вторую. Он написал бы и заключительную часть, но болезнь опередила его.

Когда я писал эту статью, у меня в голове неотвязно бились строки, которые были написаны величайшим русским поэтом об одном из достойнейших сынов нашей земли. По моему убеждению, они вполне могут быть отнесены и к Сергею Владимировичу. Я снова и снова невольно повторяю их и с гордостью за этого человека, и с горечью, вызванной понесенной нами всеми утратой:

Какой светильник разума угас,
Какое сердце биться перестало!